

К ИСТОРИИ ВОПРОСА ВОЗНИКНОВЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО ТЕРРОРИЗМА В РОССИИ

**О.В. Гаврилова, кандидат юридических наук.
Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России**

Изучены исторические предпосылки возникновения терроризма в России. Особо отмечено, что в Российском законодательстве терроризм как самостоятельный вид преступлений рассматривается сравнительно недавно, с 1992 г. (до этого времени предусматривалась ответственность за отдельные виды преступлений террористического характера при формулировке которых, как правило, не отражалась их характеристика именно как террористических преступлений). Подробно рассмотрен государственный терроризм в СССР.

Ключевые слова: терроризм, национальная безопасность, террористический акт, революционный террор, массовый террор

THE HISTORY OF STATE TERRORISM'S ORIGIN IN RUSSIA

O.V. Gavrilova. Saint-Petersburg university of State fire service of EMERCOM of Russia

The historical roots of terrorism in Russia are studied. It is highlighted that Russian legislation considers terrorism as separate type of crime rather recently, just since 1992 (before this time liability for certain types of terrorism crimes was provided. However, the formulation of such crimes, as a rule, does not reflect their characteristics as terrorist crimes). State terrorism in USSR is considered in details.

Keywords: terrorism, national safety, terrorist act, revolutionary terror, mass terror

В настоящее время проблема терроризма резко обострилась и приобрела глобальный характер, что создает прямую угрозу национальной безопасности многих государств.

Россия на своем опыте сполна испытала, что современный терроризм и сопряженные с ним миграция хорошо вооруженных и обученных боевиков, контрабанда оружия, незаконный оборот наркотиков, религиозный экстремизм превратились в один из основных факторов, подрывающих стабильность и мир не только в отдельных регионах, но и на всей планете.

Несмотря на то, что за последние годы Российская Федерация добилась серьезных успехов в противостоянии «гидре» терроризма, опасность террористических актов остается, к сожалению, весьма актуальной для нашего государства. Злободневности террористической угрозы посвящено большое количество официальных документов и выступлений руководства нашей страны.

Терроризм является одной из наиболее серьезных угроз национальной безопасности и требует самого пристального внимания со стороны гражданского общества и специальных служб.

В Российском законодательстве терроризм как самостоятельный вид преступлений рассматривается сравнительно недавно, с 1992 г. До этого времени предусматривалась ответственность за отдельные виды преступлений террористического характера при формулировке которых, как правило, не отражалась их характеристика именно как террористических преступлений. Хотя фактически терроризм в России уже давно занял свое место как один из наиболее опасных видов преступного поведения и в полной мере проявил большинство своих качественных характеристик.

Говоря о проявлениях терроризма в нашей стране, нельзя не отметить – террор в России имеет давние исторические корни.

Достаточно вспомнить террористические компании, развернутые отделениями партии эсеров в царской России, в ходе которых страдали, как правило, не только непосредственные «объекты» акций, но и простые граждане, оказавшиеся поблизости на момент совершения того или иного теракта. Если в 1905 г. партией эсеров было организовано 51 покушение, то в 1907 г. таких акций было совершено уже 78. Всего на территории России в 1907 г. было проведено 317 различных терактов, что дало основание некоторым исследователям говорить о волне террора, обрушившегося на Россию [1].

Особенно жестокие проявления данного негативного явления в российском государстве, имевшие место в дореволюционный период, пришлись на время между концом XIX в. и началом XX в. Нельзя не сказать, о неоднократных покушениях (их было семь) на царя Александра II. Смертельным ранением Царя-освободителя завершилась восьмая попытка, предпринятая террористом Игнатием Гриневицким, 1 марта 1881 г. Другим жестоким примером террористического проявления в дореволюционной России явилось очередное покушение на видного государственного деятеля Премьер-министра Российской Империи Петра Столыпина, который был смертельно ранен эсером Д.С. Богровым в г. Киеве 1 сентября 1911 г. Он скончался от ранения через четыре дня. Нельзя не отметить, что до этого времени террористы неоднократно покушались на жизнь царского чиновника, в результате одного из покушений серьезно пострадала его дочь. Имели место также покушения и убийства на других видных государственных деятелей царской России. В рамках исследования нельзя не отметить и попытку совершения убийства народницей-террористкой Верой Засулич петербургского градоначальника Ф.Ф. Трепова.

Однако ответные действия руководителей Российской Империи (даже самые жесткие – за организацию убийства Императора Александра II были повешены А. Желябов и С. Перовская) на террористические проявления в стране не сравнимы по своей суровости и жестокости с начавшимся после Октябрьского переворота 1917 г., так называемого «красного» или революционного террора. Хотелось бы выделить особо то обстоятельство, что присяжными Вере Засулич был вынесен оправдательный приговор в судебном процессе под председательством А.Ф. Кони.

Возможно не осознание того, что страна столкнулась с особым видом преступной деятельности – терроризмом, было тогда связано с тем, что теракты носили, в основном, индивидуалистический характер, и при их анализе большее внимание уделялось политической мотивировке этих деяний, их последствиям, личности террористов, но в то же время не был осмыслен аналитически (оторван от конкретных событий) сам характер совершенных деяний, в результате чего, возможно, и не были замечены черты и качественные характеристики терроризма.

Террористические акты в отношении гражданского населения России использовались активно в политической борьбе с новой властью в период Гражданской войны и после нее, однако в то время было не до научного анализа.

Впоследствии место террориста заняло государство, которое проводило среди населения кампанию террора для укрепления своей власти.

Рассматривая государственный терроризм в молодой Советской республике, необходимо отметить, что новое государство не смогло избежать проявлений террористической угрозы уже в первые месяцы своего существования. Массовый террор в Советской России начал осуществляться после убийства видного государственного деятеля и революционера М.С. Урицкого и покушения на В.И. Ленина в начале сентября 1918 г. 2 сентября 1918 г. Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет (ВЦИК), высший законодательный, распорядительный и контролирующий орган государственной власти в стране принял резолюцию: «На белый террор врагов рабоче-крестьянской власти рабочие и крестьяне ответят массовым «красным террором» против буржуазии и ее оппонентов» [2].

После Октябрьского переворота революционный террор становится вполне «законным» средством политической борьбы, причем не исключительным, а постоянным.

К нему прибегают как в ответ на террористические акты против большевиков (например, в ответ на убийство видного деятеля РКП(б) В. Володарского в июне 1918 г., а в августе – М.С. Урицкого), так и в качестве превентивной меры. Приведем лишь некоторые выдержки из «указаний» первого руководителя нового государства. Из телеграммы В.И. Ленина Г. Федорову: «Г. Федоров! В Нижнем, явно, готовится белогвардейское восстание. Надо напрячь все силы, составить тройку диктаторов (В. Маркина и др.), навести тотчас массовый террор...» [2, с. 142]. Приведем высказывание еще из одного поручения вождя революции (телеграммы Пензенскому Губернскому исполнительному комитету): «Необходимо организовать усиленную охрану из отборно надежных людей, провести беспощадный массовый террор против кулаков, попов и белогвардейцев: сомнительных запереть в концентрационный лагерь вне города» [3, с. 144].

В этом же году начинается практика взятия и расстрела заложников сначала из среды нетрудовых классов, а затем и из крестьянства (во время крестьянских восстаний, например). И эта практика приобрела повсеместный характер, получив широкое распространение на всей территории страны.

Следует признать тот факт, что большевики немало потрудились над созданием атмосферы непримиримой ненависти в стране (об этом очень точно писал В. Короленко в письмах А. Луначарскому) [4, с. 119].

Широко распространена точка зрения, что революционный террор был навязан большевикам, был вызван отчаянным сопротивлением свергнутых эксплуататорских классов. Тем самым происходит оправдание террора. По мнению автора, массовое использование антигуманных политических средств, сопровождающееся большим количеством невинных жертв, не оправдывается тем, что оно было навязано противником. Нельзя принять факты поощрения и придания «образцово-показательного» характера народным расправам над классовым врагом, даже если они не происходили спонтанно и не являлись выражением гнева по поводу преступлений белогвардейцев. Такое отношение к стихийному террору встречается у В.И. Ленина нередко. Например: «Надо поощрять энергию и массовидность террора против контрреволюции» [3, с. 106]. И еще: «Уверен, что подавление казанских чехов и белогвардейцев, а равно поддерживающих их кулаков-кровопийцев, будет образцово-беспощадное» [3, с. 187]. В разгар Гражданской войны В.И. Ленин писал, что «обвинение в терроризме, поскольку оно справедливо, падает не на нас, а на буржуазию. Она навязала нам террор» [5].

В революционных событиях 1917 г. и после них, во время «красного террора», были уничтожены не только люди, боровшиеся против «красных», но и сочувствующие им или принадлежащие к «подозрительным» слоям населения – священнослужители, офицеры бывшей царской армии и др. Во время Гражданской войны поддерживающие революцию подвергались ответному «белому террору». Широко практиковались взятие и расстрел заложников. Можно только удивляться свирепости и жестокости обеих сторон против своих же соотечественников.

После окончания Гражданской войны, причины террора, казалось бы, отпали, но он продолжался. Более того, с налаживанием мирной жизни, укреплением государственных органов вместо прежней стихийности расправ, скоропалительных расстрелов и всех прочих ужасов, в основе которых часто лежали раскаленные эмоции, пришел более четко организованный, законодательно закрепленный террор, который приобрел черты – воспользуемся выражением В. Короленко – «систематизированной ярости» [4, с. 120].

Первый мирный год после Гражданской войны отмечен Приказом Всероссийской чрезвычайной комиссии (ВЧК) от 8 января 1921 г. № 10, который гласил: «В отношении буржуазии репрессии усилить» [4, с. 120]. Законодательно оформленные черты террор обрел в первом советском Уголовном кодексе 1922 г. [6]. После Октябрьской революции большевики, как известно, вообще отменили смертную казнь. К пятому году пребывания Советов у власти произошла весьма заметная эволюция. Давая рекомендации наркомму

юстиции Д. Курскому, В.И. Ленин в мае 1922 г. писал: «Надо расширить применение смертной казни .... ко всем видам деятельности меньшевиков и т.п.; найти формулировку, ставящую эти деяния в связь с международной буржуазией и ее борьбой с нами». Здесь же В.И. Ленин предлагает и вариант формулировки: «Пропаганда или агитация, объективно содействующие или способные содействовать международной буржуазии» [7]. Это опасная формулировка и, возможно, прообраз будущей 58-й, а позже и 70-й статьи Уголовного кодекса Союза ССР.

После кончины главного вождя революции власть в стране была захвачена диктатором И.В. Сталиным. Именно «Кобу» и его «соратников» (Г.Г. Ягоду, Н.И. Ежова, Л.П. Берию, А.Я. Вышинского, В.С. Абакумова и др.) по праву можно считать создателями системы государственного терроризма в стране, которая успешно функционировала на протяжении десятилетий. Причем массовые репрессии против собственного народа «вождь всех народов» лицемерно прикрывал тезисом о том, что по мере продвижения к социализму классовая борьба в СССР будет обостряться.

С первых лет своего существования Советское правительство, увлеченное идеей быстрого построения социализма, решило перевоспитать противников Советской власти трудом. В середине 1923 г. в СССР насчитывалось 702 исправительных учреждения, в том числе концентрационные лагеря, исправительные дома, тюрьмы, сельскохозяйственные поселения и дома заключения. В них содержалось около 140 тыс. человек. На рубеже 20–30-х гг. XX в. начинается широкое использование труда репрессированных для решения задач экономического развития. В стране начала формироваться сеть исправительно-трудовых лагерей Объединенного государственного политического управления, которое становилось обладателем ценнейшего экономического ресурса – рабочей силы заключенных и спецпереселенцев [8].

В 1920–30-х гг. и далее в СССР Советская власть уничтожала зажиточных крестьян, слой за слоем бывших соратников-революционеров, командиров Красной армии и других граждан, казавшихся нелояльными, или просто по разверстке, спускаемой сверху. После присоединения прибалтийских стран там были арестованы и высланы десятки тысяч местных жителей.

Государственная политика в области специальных переселений отличалась, прежде всего, строго прагматическим характером и преследовала решение целого комплекса задач: «Взять у деревни дешевые рабочие силы, перераспределив их в промышленность, а за счет конфискации их движимого и недвижимого имущества и передачи его в коллективную собственность батрацко-средняцким слоям поддержать хотя бы минимальный уровень производства. Нужно было утвердить в сознании народа утопически уравнилельные принципы коммунизма, опорочив трудовое единоличное хозяйство и искоренив психологию зажиточности» [9].

Начало проведения государственной политики спецпереселения было навязано, прежде всего, коллективизацией сельского хозяйства в СССР, которая сопровождалась раскулачиванием части крестьян.

В ходе коллективизации и раскулачивания в 1930–1931 гг. было выселено с отправкой на специальные поселения 38 тыс. 126 семей общей численностью 1 млн 803 тыс. 392 человека [10]. За эти годы в Северный край было выслано 103 тыс. человек. В Республике Коми к 1931 г. численность спецпереселенцев составила 40 тыс. 235 человек [11], после 1932 г. она начала резко сокращаться, если в январе 1932 г. спецпереселенцев насчитывалось 39 тыс. 184 человек, то к концу 1935 г. – 16 тыс. 954 человека [12]. Во второй половине 30-х гг. численность раскулаченных на спецпереселениях оставалась стабильной – около 17 тыс. человек. В частности, на 1 октября 1938 г. было учтено 17 тыс. 955 человек [13]. Основной причиной уменьшения числа спецпереселенцев в Республике Коми был высокий уровень смертности, вследствие неблагоприятных условий жизни в спецпоселках и распространения эпидемических заболеваний среди спецпереселенцев.

Политика террора населения проводилась через специальные карательные органы (ВЧК, ГПУ, НКВД, МГБ, КГБ, суд, прокуратуру, Военную коллегия Верховного суда, Особое совещание НКВД). Трагические последствия массовых репрессий 30–50-х гг. XX в. в Советском Союзе велики, их жертвами стали как члены Политбюро Центрального Комитета партии, так и рядовые труженики, представители всех социальных слоев и профессиональных групп, возрастов, национальностей и вероисповеданий. По официальным данным в 1930–1953 гг. в стране было репрессировано 3,8 млн человек, из них 786 тыс. – расстреляно.

Таким образом, государство, применяя репрессии к части российского общества, насаждало в обществе атмосферу страха и покорности.

Во время Великой Отечественной войны на оккупированных территориях активно действовало партизанское движение. Немецкое командование отвечало на это массовым террором против населения, поддерживающего партизан. После изгнания немецких войск в 1943–1944 гг. акциями государственного террора против своих же граждан явились депортации – насильственные переселения граждан страны из Крыма и Кавказа. Целые народности в течение нескольких суток грузили в эшелоны товарных вагонов и отправлялись на Восток, в Среднюю Азию, где практически отсутствовали какие-либо бытовые условия для жизни. Были выселены чеченцы, карачаевцы, балкарцы, ингуши, калмыки, крымские татары и ряд других народов и народностей, еще раньше – немцы Поволжья – всего более двух миллионов граждан. В процессе депортации погибла значительная часть перемещенного населения. До войны в 1937 г. с Дальнего Востока в Среднюю Азию были вывезены корейцы; произошли массовые переселения и из других регионов. По окончании войны репрессиям подверглись и бывшие военнопленные, и жители, угнанные фашистами в Германию. После победы над Японией советские войска вошли в г. Харбин, куда после революции эмигрировали многие российские граждане; была вывезена, отправлена в лагеря или уничтожена значительная их часть, другие бежали; в течение нескольких месяцев русское население г. Харбина уменьшилось почти на миллион человек.

В Советском Союзе действовала уникальная система государственного терроризма. В 1937–1938 гг. было вынесено 681 тыс. 692 смертных приговора – около 1 000 приговоров в день, в период 1950–1957 гг. примерно по 1 000 приговоров в год. В 1934–1956 гг. действовала система ГУЛАГ (Главное управление лагерей), в которую входили лагеря заключенных на Крайнем Севере, Дальнем Востоке и других отдаленных регионах страны. Следует особо отметить, что ГУЛАГ давал накануне Великой Отечественной войны 1/3 промышленной продукции в СССР. В 1940 г. система Главного управления лагерей состояла из 53 лагерей, 425 исправительно-трудовых колоний, 50 колоний для несовершеннолетних. В них содержалось 1 млн 668 тыс. заключенных [14].

После войны численность осужденных по политическим обвинениям составила: в 1946 г. – 123 тыс. 294 человека, 1947 г. – 78 тыс. 810, 1949 г. – 28 тыс. 800, при общем количестве осужденных, например, в 1947 г. – около полутора миллионов человек. После Великой Отечественной войны для борьбы с терроризмом в стране в структуре нового Министерства государственной безопасности (МГБ) в 1946 г. был образован специальный отдел «Т» (борьбы с террором).

Немалое количество дел и сигналов, а также террористических акций в конце 40-х–начале 50-х гг. XX в. приходились на западные районы Украины и Белоруссии, а также республики Прибалтики, где сохранились и продолжали действовать националистические подполья и связанные с ними «повстанческие» группы «сопротивления» («Лесные братья»).

Одной из первых акций террора после создания Комитета государственной безопасности (КГБ) в марте 1954 г. стал расстрел присутствующих на трибуне, на демонстрации в г. Архангельске 1 мая 1955 г. В целом в начале 1950-х гг. антисоветские террористические движения были разгромлены, и терроризм практически исчез из жизни

советского общества на десятилетия.

В настоящее время в области борьбы с терроризмом Российская Федерация выбрала правовой путь, путь уважения прав и свобод человека и гражданина, соблюдения международных норм. Деятельность российской системы по борьбе с терроризмом строится на основе четкого законодательного регулирования и за ней предусмотрены механизмы контроля.

Литература

1. Разаков Ф. Век террора. М.: Эксмо, 2002. С. 13.
2. Первый созыв ВЦИК Советов рабочих, крестьянских, казачьих красноармейских депутатов. М., 1919. С. 11.
3. Ленин В.И. Полн. собр. соч. М., 1958. Т. 50.
4. Залысин И., Смагин А. Ящик Пандоры (террор в двух революциях) // ОНС: общественные науки и современность. 1990. № 4. С. 119–120.
5. Ленин В.И. Полн. собр. соч. М., 1958. Т. 39. С. 355.
6. СУ РСФСР. 1922. № 15. Ст. 153.
7. Ленин В.И. Полн. собр. соч. М., 1958. Т. 45. С. 189–191.
8. Игнатова Н.М. Осуществление политики спецпереселения и изменения в составе и численности спецпереселенцев – «бывших кулаков» в середине 1930-х–1950-е гг. // Покаяние: Мартиролог. Сыктывкар: Коми книж. изд-во, 2001. Т. 4. Ч. 4. С. 19–30.
9. Славко Т.И. Раскулачивание / ГУЛАГ: его строители, обитатели и герои: сб. Франкфурт–Москва, 1999. С. 132.
10. Зеленин И.Е. Ликвидация кулачества как класса // История СССР. 1990. № 6. С. 31.
11. НА РК. 148. Оп. 1. Д. 576. Л. 121.
12. КРГАОПДФ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 137. Л. 24.
13. КРГАОПДФ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 137. Л. 37.
14. Королев А.А. Массовые политические репрессии в 30-х – начале 50-х гг. в СССР // Энциклопедический словарь юного историка: Отечественная история / сост. В.Б. Перхавко. М., 1997. С. 282–283.